

Людмила Зыкина... Звучное имя, большая жизнь. Для нескольких поколений людей во всем мире искусство великой певицы, сам ее облик стали олицетворением России, ее песенной души.

Недавно Людмила Георгиевна отметила уникальный юбилей — 50-летие творческой деятельности. А на очереди — еще одна жизненная веха: выход книги, где обобщены впечатления, наблюдения, размышления.

Сегодня, накануне выхода книги Л.Зыкиной "Течет моя Волга" (издательство "Новости"), мы публикуем несколько отрывков из нее, пунктиром высвечивающих эпизоды жизни артистки, страны, планеты...

ПЕРВОЕ СОЛО

Я уже проснулась, сон отлетел, но глаз не открываю: мне кажется, что так, с закрытыми глазами, лучше слушать бабушкин голос и, главное, вдыхать запах вкусного-превкусного пирога-курника, который готовят на кухне...

Но это сладостное полубытие длится несколько мгновений. Мне уже шесть лет, и сегодня, в воскресный день, непременно дадут какое-нибудь важное поручение — например, помочь накрыть на стол.

— Вставай, Милуша! — нарспев говорит папина мама Василиса Дмитриевна. Только она называет меня так, я же зову ее по-деревенски: Васюта, бабушка Васюта.

Иду на кухню — здесь просторно, чисто, как в деревенской избе, — и получаю свою долю пирога. Верчусь у бабушки под ногами. Сегодня семейный обед, и в комнате нашей скоро станет тесно: придут родственники.

Мы живем на самом краю Черемушек (теперь мест этих не узнать: недавно завернула в родной уголок — ни дома, ни тропки не нашла).

Неподалеку из-под земли бьет ключ.

Полтора шагов вприпрыжку — и я на берегу полужареной реки. Оглядываюсь вокруг — ни души.

Стягиваю через голову стиральное-перестиральное платье и осторожно погружаюсь в студено-ключевую воду.

Вода прозрачна до самого дна: все камешки, все песчинки как на ладони, а в глубине медленно плавают черные неторопливые пиявки. Я их очень боюсь, но вида не подаю — воспитываю волю: стою на одной ноге и начинаю счет. Дойдя до десяти, умиляюсь собственной выдержке, прибавляю еще один десяток, затем другой — так до трехсот.

Пора возвращаться, а уходить не хочется. Но дома ждет праздник и, что самое важное, — бабушкины песни.

Бабушка моя была родом из-под Скопина, из деревни Лопатино. Это неподалеку от есенинских мест, на границе, как там говорят, "московщины" и "рязанщины". Была она известная на всю округу песельница.

Пела бабушка Васюта, как сама любила говорить, "нутром"; песня буквально клокотала в ней, хотя она почти никогда не повышала голоса.

Из своего горла она извлекала просто удивительные звуки, и была для нее песня отдушиной в трудной, порой нерадостной жизни.

...Когда умер дед и гроб его поставили на стол в центре комнаты, бабушка не плакала — она запела вдруг высоко, скорбно и протяжно. Я дернула ее за сарафан: — Ты что, бабуля?

Потом уже, когда вернулись с кладбища, сели помянуть дедушку, объяснила мне:

— Песня, Милуша, лечит всякую тоску-печаль...

...Так и стоит перед глазами то воскресное утро в нашем небогатом доме. Хлопнула дверь — мама пришла с дежурства. Не передохнула, пошла помогать свекрови.

Маму мою звали Екатерина Васильевна. Работала она нянечкой-санитаркой в больнице. За отца моего, Георгия — Егора под-деревенски — девятого бабушкиного сына, вышла замуж поздно, "по-городскому". Когда я родилась, маме уже было двадцать семь лет.

Мама торопится, суетится: скоро гости пожалуют. А я все пристаю к ней, не отхожу — пусть наденет любимую мою розовую кофточку. Она у мамы — единственная выходная.

Пришли родственники — мои

тетки с мужьями и детьми. Я сижу смиренно, жду конца застолья, ведь самое интересное не сейчас — потом, когда начнут петь.

Но они все медлят, все говорят про свое, что меня, девочку, совсем не занимает.

И вот наш скромный пир окончен. Пора бы им запеть — от нетерпения я себе места не нахожу. Бабушка наклоняется к маме, шепчет ей на ухо. Та улыбается, что-то негромко говорит отцу, и все смотрят на меня. В самом деле, почему они томят?

— А ну-ка, Милуш, давай запе-

комиссии рассмеялись.

Через два часа посмотрела — не поверила: в списке моя фамилия первая! Подошла к секретарю, чтобы проверить — вдруг ошибка, а та говорит: "Поздравляю. Из полутора тысячу тебя приняли да еще трех парней".

Прибежала домой — смотрю, мама согнулась над корытом, стирает. Я с порога:

— Мам! Я теперь артистка... — Какая еще артистка? Горох ты зеленый, а не артистка.

Никак не укладывалось у нее в голове, что я буду петь в хоре Пятницкого. Ведь принимают туда самых талантливых, самых голосистых...

И все-таки и бабушка, и мама до конца моих восторгов не разделяли. Неужто это специаль-

ной и я — ученица, а потом то-карь — "Зыка" по-заводскому...

Трудно узнать теперь родной цех. Стены только, может, и сохранились. И прежнее рабочее место не отыскать среди современных станков. Наверное, здесь, поближе к углу, стоял в сорок первом мой старенький обдирочный.

Чтобы управлять станком, подставляла скамеечку. Работать было интересно, но все время хотелось спать — я же еще и в школе училась, уроки допоздна готовила. Однажды, чтобы не заснуть, запустила еще соседний станок и стала переходить по очереди от одного к другому. Пришлось здорово попотеть. Но норму перевыполнила, и вручили мне четыре красных флажка

себя оперирующим хирургом в окружении группы ассистентов. Только ассистенты мои стояли неподвижно, молча, словно замороженные. "Нет, ребята, — думаю, — вам меня на абордаж не взять. Не выйдет. Не такие проверочки на веку своем выдывала".

Все положенные операции выполнила, выключила станок, проверила размеры, положила вал на тумбочку, вытерла ветошью руки и взглянула на обалделые лица.

— Вопросы есть? — спрашиваю. Молчание, улыбки. — Вопросы нет. Пошли дальше.

НАМЕЧАЕТСЯ КРУПНАЯ АФЕРА...

С композитором Родионом Щедриным — давно это было — я познакомилась во время дека-

"ТЕЧЕТ МОЯ ВОЛГА"

ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА — О ЛЮДЯХ, О ПЕСНЯХ, О СЕБЕ

вай! Как я тебя учила! — говорит бабушка мягким и в то же время повелительным тоном.

Я даже сразу толком не поняла, чего от меня хотят. Как это — запевать?

Выпрямилась, напряглась. Голос у меня слабенький, хрупкий.

— Легко, легко запевай, — это уже мама просит, — не бойся!

Я начинаю все ту же, бабушкину и мамину любимую "Соловей-кукушку уговаривал".

Допела, чуть не убежала из-за стола от страха. Кругом захлопали, а бабушка перекрестила — благословила меня:

— Ну вот и смена...

Первое мое "соло", первые мои аплодисменты...

"МАМА, Я — АРТИСТКА!"

...Вышло все нежданно-негаданно и в общем-то счастливо.

Как-то поехали мы с подругами в центр, в кино. На площади Маяковского висели объявления: "Конкурс в хор русской народной песни имени Пятницкого". Девчонки подзадоривали:

— Попробуй! Слабо небось?

Я с ними даже на мороженое поспорила. Ведь песен-то я знала много.

Постучалась, вошла в зал для прослушивания, рассказала о себе. Но, надо же, какая обидка, опоздала — уже второй тур.

— Какие же ты песни знаешь, девочка? — спросили меня.

— Да все, — не задумываясь, ответила я.

Подождал Захаров — тот самый, чьи песни пела вся страна, а за ним Петр Михайлович Казьмин — один из тогдашних руководителей хора, племянник самого Пятницкого.

— В какой тональности петь будешь?

Певица не любит выпускать штурвал из рук.

Что такое тональность, я толком не знала и страшно смущалась. Но тут черемушкинский чертенок словно подтолкнул меня, и я запела:

Уж ты сад, ты мой сад,

Сад зелененький...

— А повыше спеть можешь? — поинтересовался Владимир Григорьевич Захаров.

— Могу.

— А пониже? Тоже можешь? Я спела.

— А где ты работаешь?

— В швейной мастерской.

— Переходи к нам.

— А у вас разве есть пошивочная?

— Да я не об этом. Петь в хоре будешь.

— А разве за это деньги платят?

Захаров улыбнулся, а члены

У Людмилы Георгиевны хорошее настроение.

ность — петь? Разве что потеха, развлечение.

ТОКАРЬ "ЗЫКА"

С памятного утра 22 июня в жизнь мою и моих сверстниц ворвалась война. Тревожный ритм столицы, готовящейся отбросить и разгромить врага, бессонные дежурства на крышах домов, где вместе со взрослыми мне пришлось тушить немецкие зажигалки, — такой запомнилась мне Москва в первые месяцы войны.

как ударнице. А за досрочное освоение станка выдали премию 75 рублей... Скоро присвоили пятый производственный разряд.

Как-то прислали мальчишек — старше меня по возрасту — осваивать токарное дело. Ох, и намучилась я с ними, непутевыми! Один говорит:

— Научишь нас, Зыка, чечетку плясать — будем тебя слушаться.

Чтобы завоевать авторитет, пришлось согласиться.

Всякое бывало. Но и сейчас, объездив полсвета, прихожу я на свой завод по самой искренней душевной потребности. И пропуском заводским горжусь.

Спустя годы, лет через двадцать пять, я приехала на гастроли в Тбилиси. Повели меня, как на экскурсию, по цехам крупного авиационного завода. Зашли и в механический, где шумели мои родные токарные. Поглядела на новые станки и ахнула — куда там равняться на них моему ДИПу!

— Ну что, Людмила Георгиевна, может, вернетесь в свое детство, поработаете у нас смену-другую, поможем, если что, — молвит кто-то из сопровождающих.

— На смену-другую времени нет, а так могу что-нибудь и выточить на токарном...

— Правда? Тогда попробуем, — слышу в ответ.

Подвели к станку, дали заготовку.

— Какая сталь? — спрашиваю.

— Сталь сорок пять.

— Резцы заточенные есть или самой заточить?

— Есть, есть...

— Где техпроцесс или карта операционная?

— Пожалуйста, — суют в руки чертеж.

Вижу, деталь несложная — вал, наверное, редуктора какого-нибудь. Закрепила заготовку в патроне, подвела суппорт, затем защитный экран (техника безопасности превыше всего! — так меня учили), нажала пусковую кнопку и — вперед! В эти минуты я почему-то почувствовала

ды искусства в Узбекистане, ходила на его концерты — он блестяще исполнял собственные произведения. И думать не думала, что судьба приведет нас к совместной творческой работе.

Пришла я как-то на спектакль в Большой театр. Смотрю, в ложе Родион Константинович. Нервничает, комкая в руках программку, — Майя Плисецкая танцует "Кармен-сюиту" Бизе — Щедрина. В антракте подошел ко мне, взял под руку и бросил шутливо, как бы невзначай:

— Ну, Зыкина, в аферу со мной пойдешь? Крупная авантюра намечается...

Добавил, что в "авантюру" пускается не один — с поэтом Андреем Вознесенским и дирижером Геннадием Рождественским. И название новому сочинению придумал мудреное: "Поэтория" — для женского голоса, поэта, хора и симфонического оркестра.

— Под монастырь не подведете? — поинтересовалась я.

— Не бойся! Вот тебе клавиш, через неделю потолкуем.

Через неделю сама разыскала Щедрина.

— Нет, мне не подойдет. Невозможно это спеть: целых две октавы и все время — вверх, вниз и опять вверх, продыхнуть некогда.

Щедрин вместо ответа усадил меня к роялю.

— Смотри, у тебя же есть такая нота — вот это верхнее "ре"...

И в самом деле, напомнил мне "ре" из "Ивушка".

— А эту, низкую, я слышал у тебя в песне "Течет Волга" еще там, в Ташкенте, — не отступал Щедрин. — Ты ведь еще ниже взять можешь.

— Все равно не потяну. Не смогу...

— Не сможешь? — вдруг рассердился он. — Знаешь что, вот садись и учи!

Те часы, что я прозанималась с ним, были для меня трудной школой, а пролетели они незаметно — с такой радостью я его слушала.

Начались репетиционные будни в Большом зале консерватории. Вокруг сразу сложилась благожелательная обстановка, и я, исполнительница русских народных песен, дерзнувшая выйти на подмостки этого "академического" зала, уже не чувствовала себя здесь чужой.

...Пришел наконец после немалых трудностей — не сразу и не все приняли "Поэторию" Щедрина — день премьеры этого выдающегося новаторского произведения.

Напряженную тишину ожидания разорвал одинокий и печальный звук альтовой флейты, и моя партия... стала главной темой всего сочинения. Голос Родины, голос памяти получил свое полнокровное выражение в этом скорбном, глубоко национальном плаче, которому так созвучны слова В.Белинского о том, что в русских мелодиях есть "грусть души крепкой, мощной, несокрушимой".

Людская боль, межчеловеческая солидарность, Родина как твердая опора в жизни каждого человека, — вот основные темы "Поэтории", меня, собственно, и привлекло меня это сочинение. Ведь о-том пела всю жизнь и до сих пор продолжаю петь...

Трещ. - 1998. - 7 июля